

НЕВОЗМОЖНОЕ СТАНОВИТСЯ ВОЗМОЖНЫМ

НЕОБЫЧАЙНО изменилась не только нравственная атмосфера в стране, другим стало и все наше бытие после XX и особенно XXII съездов партии!

Существенные перемены произошли и в нашем представлении об искусстве и о задачах художника. Расширяются его гражданские возможности. Искусство не

только может, но и должно говорить о кардинальных проблемах, о том, что волнует человека сегодня — в жизни, в политике, в этических отношениях.

В этой связи стоит еще раз подумать о жанровом разнообразии нашего театра. Нужна политическая публицистика, по-настоящему нужна сатира.

Из выступления В. А. Разумного

Когда мы говорим о том, что делается в большом мире и что делается в мире театра, возникают два разных измерения, две системы координат... Где, например, спектакли, в которых была бы показана опасность возрождения фашизма, по-настоящему разоблачались бы колониализм, расизм, чело-веконенавистничество?!

Так же мало у нас спектаклей, в которых решались бы коренные гражданские проблемы сегодняшнего дня! Каждый из вас ищет приметы новых форм, пытается ощутить их теоретически.

Одни говорят о зрелищности, другие — о мужественной простоте, третьи — об условности... Но странно, чем больше мы говорим на эту тему, тем чаще у меня возникает вопрос: не прячемся ли мы за театральную «специфику», когда сама жизнь преобразует систему искусств и властно в эту систему вторгается?

С этой точки зрения хочется поспорить с С. В. Образцовым, который в своем интересном аргументированном выступлении утверждал, что театральные законы нельзя безнаказанно нарушать. А мне представляется, что настоящий художник — это не законник, а незаконник, который, развивая традиции, идет вперед и делает невозможное возможным! Ведь именно «невозможное» сделал в свое время МХАТ, когда заговорил о том, что

казалось нетеатральным, чрезмерно бытовым и прозаичным!

Кто мог, например, в эпоху балета-дивертисмента думать, что можно танцевать... Шекспира? Но появился балет «Ромео и Джульетта», и невозможное стало возможным. Кто мог думать, что столкновение мысленных образов может быть реальным предметом искусства? Но, познакомившись с творчеством Брехта, все заговорили об интеллектуальном театре и «рациональном» кино.

Мне кажется, дело не в специфике театра. Нужно думать о расширении его выразительных возможностей, о связи с другими видами искусства, в частности с кино. Кинематограф приводит к обострению чувства правды у зрителя. И это самое важное: не влияние кинематографа на технику театра, а влияние кинематографа на зрителя, который завтра придет в театр со своим пониманием искусства, воспитанным кино. Обычно говорят, что у театра единственное спасение — зрелищность и театральность. Мне кажется, что у кинематографического зрителя обостряется интерес к психологическому решению проблемы, к психологическому истолкованию образов. И в театре он, конечно, не удовлетворится только зрелищностью! Поэтому следует говорить о мастерстве актера в раскрытии психологии героя, поставить проблему соотношения сознания и подсознания. Станиславский не боялся говорить об этом и включил это в систему.

О телевидении. Оно может и должно быть союзником театра, пропагандистом театральной культуры. Однако, если что и убивает театральную культуру зрителя, то это именно телевидение: дружно, активно и «по продуманному плану» Московское телевидение смотрят почти 20 областей, 15—17 миллионов людей ежедневно «приходят в театр» наслаждаться великими творениями искусства. И я не знаю, как в других областях и республиках, но в Москве телевизионные «постановки» зачистую образец ремесла и антихудожественности. Это серьезная проблема.

В заключение маленькое замечание. О конфликте — с точки зрения того, как к нему подходить правдиво и непредвзято, имея в виду не абстракции искусствоведения, а реальную практику жизни. Рождается новое общество, где не будет ни пережитков капитализма, ни тех коллизий, о которых мы сейчас говорим. А будут ли вообще конфликты при коммунизме? И какие?

Не стоит ли нам провести дискуссию о конфликтах не только на материале драматургии, а и на материале реальной жизни, ее конкретного изучения. Это может быть интересно в наше время.

Сегодня было немало споров. Но бесспорно лишь одно — вся система советского искусства, все его виды переживают сейчас большой подъем. Успех надо развивать, наращивать.

Собеницкий, Ленинград, июль-1962, 5 стр.